

УДК 930(363.4)"07"/"08"

А.А. ФОРТУНАТОВ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАРОЛИНГСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева

Чувашский государственный университет, г. Чебоксары, 428015, Россия

Аннотация

Авторами статьи изучается практически не освещённое в историографии научное наследие представителя династии Фортунатовых, историка и педагога Александра Алексеевича Фортунатова (1884–1949). Дается краткий анализ его педагогической и научно-исследовательской деятельности, реконструированы основные факты биографии. В центре внимания вопрос об изучении Каролингского возрождения. В этой связи приведены обоснования интереса А.А. Фортунатова к данной проблематике и характеристика посвящённых ей работ. Рассмотрение взглядов на эпоху Карла Великого по целому ряду дискуссионных проблем, таких как обоснованность термина «Каролингское возрождение», личность Алкуина и его роль в развитии средневековой школы, соотношение античного и раннехристианского наследия в интеллектуальной культуре VIII – IX вв., характер отношений Карла Великого и Алкуина, позволяет выявить особенности методики научного исследования Фортунатова. В заключение делается вывод о том, что ему удалось на основе тщательного изучения источников (переписки Алкуина, капитуляриев, учебников, анналов и т. д.) показать сущность Каролингского возрождения как попытки синтеза античной образованности и христианских догматов. Исследования учёного не потеряли своей значимости в современной науке.

Ключевые слова: А.А. Фортунатов, Каролингское возрождение, Алкуин, Карл Великий, средневековая школа, династия Фортунатовых

Александр Алексеевич Фортунатов (1884–1949) – представитель уникальной династии, внёсшей значительный вклад в развитие науки и культуры России. Несколько поколений этого рода дали стране целую плеяду выдающихся учёных и педагогов (см. [1]). Его отец Алексей Фёдорович (1856–1925) являлся крупным специалистом в области аграрной статистики и активным общественным деятелем. Известным историком был дядя А.А. Фортунатова – Степан Фёдорович (подробнее о нём см. [2]), оказавший непосредственное влияние на формирование научных интересов своего племянника. Преподавал ему в Московском университете, а впоследствии вместе работали в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского (МГНУ, с. 24).

В 1908 г., по окончании историко-филологического факультета Московского университета, А.А. Фортунатов был оставлен на кафедре всеобщей истории. По свидетельству А.Н. Савина, подающий надежды выпускник показал себя «очень основательным человеком» [3, с. 122]. В 1917 г. он стал приват-

доцентом Московского университета. Его первый самостоятельный университетский курс был посвящён истории Франции XIX в. (НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93. Л. 4). Подобный курс в течение многих лет читал С.Ф. Фортунатов до ухода из университета в 1911 г. [4, с. 19]. В 1919 г. А.А. Фортунатов становится профессором исторического/общественно-педагогического отделения, а с 1921 по 1923 г. является профессором кафедры теории и практики народного образования факультета общественных наук Московского университета [5], в 1923–1929 гг. – научным сотрудником Института истории ФОН МГУ – РАНИОН. В этот период он активно занимается исследованием вопросов трудового воспитания, руководит внешкольной работой учителей, участвует в ряде образовательных экспериментов [6, с. 36–37]. Александр Алексеевич более 10 лет проработал в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского (в 1919–1920 гг. он возглавлял научно-популярное отделение). Именно ему выпала честь прочитать в 1909 г. первую лекцию при его открытии, о чём он с гордостью вспоминал в своей статье, посвящённой 10-летию юбилею этого события (F1919, с. 58).

В 1926 г. А.А. Фортунатов защитил диссертацию на степень доктора всеобщей истории при Азербайджанском государственном университете (г. Баку), однако в 1945 г. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) не признала учёных степеней этого высшего учебного заведения. В результате, по некоторым данным, Фортунатов не получил подтверждения степени доктора наук, хотя в звании профессора был утверждён [7, с. 406–407]. Материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства, свидетельствуют о том, что в 1948 г. степень доктора исторических наук им всё же была получена (РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 4). Начиная с 1939 г. педагогическая и научно-исследовательская работа А.А. Фортунатова связана с Московским городским педагогическим институтом имени В.П. Потёмкина, где в 1947 г. он становится деканом исторического факультета. Спустя два года на заседании учёного совета А.А. Фортунатов выступит в защиту В.Н. Бочкарёва, произнеся гневную речь против директора института Ф.Н. Щёголева, которого назвал «новым Филиппом II» [8, с. 315]. Как отмечает Н.И. Радциг в письме к А.И. Архангельскому, «эффект получился поразительный, но всё это стоило защитнику сердечного припадка и через некоторое время смерти» (цит. по [8, с. 315]).

Научные интересы А.А. Фортунатова были многосторонними и междисциплинарными. Первые его работы связаны с методикой преподавания, историей педагогики, созданием учебной литературы (см. F1910/1911, F1912, F1913a, F1913b и др.). Целый комплекс публикаций посвящён проблемам создания трудовой школы (F1925a, F1925b). Однако планировавшаяся им монография по истории трудовой школы так и не была издана, потому что «в работе Фортунатова недостаточно последовательно отражён партийный подход, не использована концепция М.Н. Покровского, имеются элементы буржуазного объективизма» [6, с. 36]. Наибольшую известность из работ этого периода получил обширный (более 200 страниц!) очерк «Школьное дело» (F1930, F1932). По сути, это монографическое исследование по истории развития школ с древности до XX в. Именно в этом исследовании А.А. Фортунатов впервые обращается в том числе к проблеме Каролингского возрождения.

Новый этап в научных изысканиях учёного начинается в 1939 г., когда он становится преподавателем Московского городского педагогического института, а с 1940 г. возглавляет здесь кафедру истории средних веков. Однако истоки интереса к Средневековью восходят ещё к магистерским годам А.А. Фортунатова в Московском университете, где он занимался под руководством известного медиевиста Д.М. Петрушевского, по инициативе которого и был оставлен при альма-матер [3, с. 35]. По мнению ряда исследователей, интерес к истории был заложен ещё его отцом, участвовавшим в своё время в семинаре В.И. Герье, автора трудов по истории средневекового папства [6, с. 35]. В одном из писем к нему А.Ф. Фортунатов отмечает, что свою связь с историей никогда не прерывал, гордо сообщая о сыне, ставшем приват-доцентом Московского университета (НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93. Л. 4).

Обращение А.А. Фортунатова к проблемам Каролингского возрождения нельзя считать случайным. С одной стороны, учёный получил, прекрасную школу источниковедческого анализа латинских источников в Московском университете, а с другой – данное научное направление было связано не только с историей, но и с любимой им педагогикой.

Термин «Каролингское возрождение» появился в историографии во второй половине XIX в. и связывался со стремлением Карла Великого возродить античное наследие, так как он «глубоко уважал могущество древней культуры и хотел превратить своё государство в империю, подобную древней римской...» [9, с. 381]. В дореволюционной отечественной историографии давалась высокая оценка деятельности учёного-энциклопедиста Алкуина, который способствовал в VIII столетии распространению «латинской» системы образования и культуры во Франкском королевстве (см. [10; 11, с. 249–250] и др.). Если говорить о западной медиевистике, то в конце XIX – начале XX вв. предпринимаются попытки принизить роль Каролингского возрождения, изобразить эту эпоху как «время, ничем почти не отличающееся от предшествующих веков» [12, с. 90]. По мнению Б.Я. Рамма, эта концепция «была усилена специфическим националистическим уклоном к преувеличенному представлению о культурном уровне древних германцев» [12, с. 90]. В своей статье историк ставит вопрос о спорности термина «Каролингское возрождение», поскольку оно второстепенно по отношению к социально-экономическим изменениям во Франкском государстве. Рамм приходит к выводу, что «самый термин “возрождение” может быть принят наукой лишь условно. Заключающийся в нём намёк на поворот к античности, якобы имевший место в каролингскую эпоху и сказавшийся в улучшении латинского языка и более основательном знакомстве с античной культурой – во всяком случае мало основателен» [12, с. 91].

Заслуга глубокого, основанного на тщательном изучении источников, анализа сущности Каролингского возрождения принадлежит А.А. Фортунатову. Именно его труды рекомендуются обучающимся как наиболее фундаментальные в современной учебной литературе по истории средних веков [13, с. 218].

А.А. Фортунатов в период с 1930 по 1948 г. написал семь обширных статей, посвящённых проблемам Каролингского возрождения. Он намеревался издать отдельную монографию под названием «Три поколения Каролингского возрождения» (F1948b, с. 5). Первая часть об Алкуине увидела свет в 1941 г.

в «Учёных записках МГПИ им. В.П. Потёмкина», а позже, в 1948 г., в «Книге для чтения по истории средних веков» (см. F1941, F1948a), вторая – «Алкуин и его ученики» – в главных моментах также освещена в двух работах (см. F1948b, F1990b). Была написана, но не опубликована глава «Алкуин и Карл Великий» (местонахождение рукописи неизвестно). В планах остались ещё две главы – «Алкуин как автор педагогических трактатов» и «Алкуин-поэт». Кроме того, отдельные разделы книги должны были быть посвящены Рабану Мавру и Валафриду Страбону (F1941, с. 26). Смерть Фортунатова в 1949 г. помешала осуществлению задуманного.

Тем не менее сохранившиеся труды позволяют охарактеризовать взгляды учёного на проблемы Каролингского возрождения. Исследования А.А. Фортунатова опираются на широкий круг источников. «Нам кажется несомненным: кто знает по первоисточникам Каролингскую эпоху, – писал он, – тот имеет надёжный ключ ко всей дальнейшей средневековой истории Запада – и экономической, и политической, и культурной» (F1948b, с. 6). Для учёного главным источником стала обширная переписка Алкуина (более 300 писем), учебники и стихотворения, жития святых и данные анналов (F1948b, с. 8). Помимо печатных работ, в распоряжении современных исследователей есть собственноручно сделанные Фортунатовым переводы семи Капитуляриев, Анналов Эйнхарда, фрагменты Хроники Фредегара, Жития св. Стурмия, писем св. Бонифация, Алкуина, отрывки из Мецских, Фульдских анналов и др. [6, с. 44].

А.А. Фортунатов объясняет потребность в появлении школ латинской письменности в раннее Средневековье необходимостью создания «писанных законов и письменного делопроизводства» в варварских государствах, а также нуждами церкви, «распространявшей латинское богослужение среди вновь обращённых германцев» (F1930, стб. 662). Он отдаёт дань своему времени, считая важным опровержение возникшей в фашистской Германии концепции близости древних германцев к римлянам по степени их культурного развития. Более того, упоминает о приказе по германской школе «вырвать с корнем вредное утверждение, будто германцы, разрушившие Римскую империю, были варвары» (F1946, с. 114). Исследуя жизнь Публия Вергилия Марона, Фортунатов приходит к выводу о том, что это изучение «даёт нам исключительные по яркости и выпуклости картины варваризации всей жизни в Вестготском королевстве» (F1946, с. 115). Он отмечает: «В первые века существования варварских королевств о школе совершенно не заботились ни государство, ни церковь» (F1941, с. 29). Не имевшие ни письменности, ни школы «германцы заимствовали школьные формы непосредственно от побеждённых» (F1990a, с. 45). Учёный считает, что зарождение средневековой школы происходит ещё в IV – V вв. в недрах разрушающейся Римской империи, в VI – VIII вв. идёт оформление и «в эпоху Каролингов этот процесс можно считать законченным» (F1990a, с. 45). В качестве прототипов средневековой школы А.А. Фортунатов рассматривает грамматические и риторические школы, в которых особое внимание уделялось изучению произведений античной литературы, а также школы катехуменов (или «оглашённых»). В последних особое внимание уделялось изучению Библии и христианской литературы посредством «катехизации».

А.А. Фортунатов обращает внимание на возникшее ещё в IV в. противоречие. С одной стороны, для образования христиан существовала необходимость изучения светских наук (грамматики, риторики, логики, поэзии, философии), чтобы иметь некий общеобразовательный уровень для понимания Священного Писания и религиозной полемики с образованными язычниками. В то же время цитаты из их произведений казались для христианских учителей «источником соблазна». Учёный замечает, как возникают попытки связать обучение религиозное с общеобразовательным: «В школах раннего средневековья мы увидим: программу и формы преподавания общеобразовательных наук – от грамматических школ; но момент идеологического воспитания – от школ катехуменов» (F1990a, с. 53). Этот синтез римской образованности и христианского учения Фортунатов рассматривает на примере отцов церкви – Блаженного Иеронима, который использовал «свою первоклассную учёность на перевод Священного Писания с греческого языка на латинский» (F1990a, с. 54), и Августина Блаженного, на учении которого «базировался Карл Великий, стремясь к торжеству католической церкви... находящейся под защитой и контролем всемирного христианского императора» (F1990a, с. 55).

С течением времени церковно-латинские школы возникали при дворцах королей, церквях и монастырях, где «вместе с латинским языком школы удержали и старую программу “семи свободных искусств”, не столько потому, что она отвечала потребностям времени, сколько потому, что другой школы не знали» (F1930, стб. 662). По словам А.А. Фортунатова, «это была борьба за сохранение школы от опасностей полного исчезновения, а также борьбы за сохранение в школах хотя бы небольшой доли старой римской культуры» (F1990a, с. 74). Очень образно методику преподавания в подобных школах он показывает на примере обучения юного Алкуина. Чтение античных авторов, житий святых, церковных поучений и хроник создавало у учеников некий дуализм сознания. Учёный приводит воспоминания о приснившемся кошмаре: дьяволы чуть не убили ученика ночью, чему виной было чтение Вергилия-язычника (F1948a, с. 110). По письмам английского монаха-учёного Фортунатов воссоздаёт картину ученичества в понимании раннего Средневековья, когда «ученик живёт при учителе на правах “сына”, обучение и воспитание носят вполне индивидуальный характер» (F1948b, с. 34). Кроме того, проведя кропотливый анализ, если оперировать словами самого учёного, он приходит к выводу, что Алкуин воспитывался в школе г. Йорка, где готовили будущих соборных каноников (F1941, с. 35–37). Заметим: в «Книге для чтения по истории средних веков» (переиздавалась дважды – в 1953 и 1969 г.), где была опубликована статья «Алкуин и школа при Карле Великом», говорится об учреждении монастырском (F1948a, с. 118).

Каролингским возрождением А.А. Фортунатов называет процесс, начавшийся во второй половине VIII в., «когда в монархии Карла Великого была проделана большая работа по обобщению и приведению в систему этого школьного опыта нескольких веков и по распространению школ в более широком масштабе» (F1990a, с. 74). Учёный считает роль школы при Карле Великом прогрессивной, так как «она спасала хотя бы некоторые элементы античного образования от разрушительного напора варварства» (F1941, с. 28). Центральной фигурой

этого процесса обозначается Алкуин. Исследование его деятельности Фортунатов осуществляет на основе тщательного анализа источников: учебников и учебных пособий, составленных Алкуином, его писем, философских трактатов, житий святых и стихотворений (F1948b, с. 8).

О глубине источниковедческого анализа, проведённого А.А. Фортунатовым, свидетельствует статья, посвящённая «Рассуждениям царственного и знатнейшего юноши Пипина с учителем Альбином» (далее – «Рассуждения...»). Учёный не согласен с тем, что этот диалог представлен в учебной литературе как наиболее характерный и показательный источник для изучения методики преподавания в эпоху Каролингского возрождения. Он полагает: «Рассуждение...» нельзя считать учебником. Им подробно сопоставляются тексты нескольких сохранившихся диалогов времён Античности (F1990b, с. 83–88), и лишь затем делается вывод, что основой для указанного произведения стала некая неизвестная нам «бесформенная компиляция», из которой Алкуин «сделал нечто, более стройное, многое откинув, дополнив, однако, в других частях» (F1990b, с. 86). При этом античные диалоги были дополнены высказываниями Исидора Севильского и Беда Достопочтенного (F1990b, с. 88). Отдельной частью «Рассуждения...» являются загадки («энигмы»), которые, по мнению А.А. Фортунатова, восходят к сочинениям малоизвестного автора IV в. Симпосия (F1990b, с. 90). Часть головоломок содержится в произведениях Публия Вергилия Марона (F1946, с. 114–134).

А.А. Фортунатов не согласен с распространившейся в современной ему учебной литературе точкой зрения, что методика Алкуина – «яркий образец догматизма, мистики, пустословия» (F1941, с. 27). Он считает, что «Рассуждения...» (и вопросы с образными ответами и загадки) «восходят к назидательной литературе Римской империи» (F1990b, с. 93), но данный диалог нельзя назвать руководством к «катехизическому методу», потому что катехизис – это не только вопросно-ответная форма, но и наличие кратких и определённых ответов. К этой форме ближе другое произведение, возникшее в «круге Алкуина», например «Рассуждение учеников путём вопросов и ответов» (F1990b, с. 97). Учёным предпринимается попытка доказать, что «Рассуждения...» – это книга для чтения: «...изучаемый нами диалог предназначен больше для конца образовательного курса, чем для его начала и бал отправной точкой для бесед учителя с учеником, а не материалом для заучивания» (F1990b, с. 100). По мнению Фортунатова, для Алкуина особое значение имел такой индивидуальный метод обучения, как беседа с учениками, которая иногда была первичной по отношению к созданным им трудам: «...Не говоря уже об учебниках грамматики, риторики, диалектики, орфографии и др., многие из его теологических и экзегетических творений есть результат его учебных занятий или последующего общения с учениками» (F1948b, с. 36). В то же время допускается, что «Рассуждения...» могли использоваться как вспомогательное пособие по риторике для изучения богатства эпитетов, метафор, аллегорий и иносказаний, поскольку этот диалог не что иное как «упражнение в раскрытии сокровенного смысла обычных в употреблении слов и одновременно – в образности и красоте речи» (F1990b, с. 102).

А.А. Фортунатов не считает Алкуина оригинальным мыслителем, говоря, что он «и не пытался быть им: чему научился сам у наставников своих, тому учил и питомцев» (F1990b, с. 105). Это педагог, который «любил процесс обучения, любил учеников, хорошо понимал, как подносить учебный материал подросткам и юношам, как сделать его понятным и занимательным» (F1990b, с. 105).

Помимо научных статей, имеющих, по признанию самого Фортунатова, «узко-академический» интерес (F1946, с. 115), основой которых является «микроскопический анализ» латинских текстов (F1990b, с. 106), перу учёного-историка принадлежит и несколько научно-популярных очерков (см. F1930, F1932, F1948a, F1990a). Наиболее известной является упомянутая уже нами работа «Алкуин и школа при Карле Великом». Здесь А.А. Фортунатов продемонстрировал художественный талант писателя, образно и понятно, не опускаясь до упрощения, обобщив основные результаты своих «узко-академических» штудий. В издании, адресованном школьникам (для внеклассного чтения), им охарактеризована методика преподавания в англо-саксонской школе (подробнее см. F1948a).

А.А. Фортунатов через анализ документальных источников и переписки исследовал взаимоотношения Карла Великого и Алкуина и доказал, что приезд англо-саксонского диакона в Аахен отнюдь не был добровольным (F1948b, с. 44). Организовав Палантинскую школу, Алкуин не только привнёс в неё англо-саксонские традиции преподавания, но и творчески переработал методику, создав учебники, которые не были «ни отражением “германского духа”», ни по «катехизическому методу» для зазубривания пустословных определений (F1990b, с. 106). При всём уважении к античной образованности основой обучения являлась христианская схоластика. Так, в арифметике особое внимание уделялось мистике чисел, «стремлению найти аллегорический, сокровенный смысл в числах, названным по разным поводам в Ветхом или Новом Завете» (F1948b, с. 37). Фортунатов полагает, что эти учебники служат картиной того, как обучал Алкуин в академии дворцовой. Однако элитарный характер этого учреждения ограничивал воздействие на повышение образованности в стране.

После основания Алкуином в 796 г. в городе Тур монастырской школы процесс распространения образования переходит на новый уровень. А.А. Фортунатов называет её «рассадником школьного дела в стране» – туда приезжали для завершения образования учёные клирики из разных стран, которые работали затем в школах у себя на родине. Он отмечает, что аналогичную роль играли школы в Суасоне, Меце, Оснабрюке, обращая внимание на единство процесса обучения и воспитания в них (F1930, стб. 663). «Алкуин – прежде всего педагог-моралист, вопросы нравственного воспитания ставивший во главу угла педагогики», – подчёркивает Фортунатов (F1948b, с. 36).

Созданное Карлом Великим законодательство по организации образования привело, по мнению учёного, к созданию первой в Европе «системы всеобщего принудительного обучения» (F1930, стб. 664). При этом обучение было направлено не столько на просвещение масс, сколько на «подготовку деятелей церкви и подготовку людей, нужных для государства» (F1948b, с. 36). Школы потеряли характер строгой замкнутости; оформились наметившиеся ранее две ступени школ (элементарные и приходские, а кроме того, «повышенные» при соборах

и монастырях, готовившие «церковную интеллигенцию») (F1930, стб. 664). В письмах, как отмечает А.А. Фортунатов, Алкуин говорит о необходимости в первую очередь «приходских» школ при монастырях для обучения «псалмам и чтению» (F1948b, с. 36).

Следует сказать, что Фортунатов не прошёл мимо деятельности второго поколения Каролингского возрождения – Валафрида Страбона и Рабана Мавра. Он тщательно восстанавливает длинный список учеников Алкуина, анализируя его письма (F1948b, с. 14–32).

Об ограниченном характере Каролингского просвещения он скажет следующее: «Обучение носило тогда характер церковный и для широких масс ограничивалось лишь заучиванием молитв», а сами школы оставались «лишь оазисами среди массовой безграмотности» (F1930, стб. 664).

Для понимания сущности феномена, как было отмечено выше, А.А. Фортунатов считал необходимым изучить характер взаимоотношений Алкуина и Карла Великого. Мнение учёного по этому вопросу позволяют воссоздать отдельные замечания в имеющихся в нашем распоряжении его работах.

Итак, Карл Великий – инициатор и организатор процесса культурного подъёма в его королевстве. Но человеком, осуществившим замыслы императора, стал Алкуин, который, восхваляя Карла за его заботы о просвещении, сравнивал Аахен с Афинами. При этом «новые Афины, прославленные учительством господина Христа, превосходят всю мудрость академических упражнений» (F1948b, с. 39). Алкуин заботился об образовании самого Карла и его окружения. Уже после прекращения деятельности придворной Академии Карл в письмах к Алкуину просил разъяснить какие-то вопросы, например по арифметике (F1948b, с. 37). С другой стороны, учитель в своих письмах заботился и о нравственном облике Карла, считая «своим долгом неизменно прибавлять ряд наставлений, как должен вести себя адресат, дабы оправдать своё высокое звание и назначение» (F1948b, с. 35).

Более всего увлекла Фортунатова переписка Алкуина и Карла в 796–804 гг., свидетельствующая о том, что в этот период влияние учителя на монарха выходит за пределы только вопросов образования (F1948b, с. 20–21). Так, по мнению учёного, Алкуин мог выполнять функции посланника, а точнее посредника между Карлом и королём Мерсии Оффой (F1948b, с. 43–48). Заметим: если А.А. Фортунатов не был уверен в сущности посольской миссии Алкуина, то в современной историографии она прояснена (см. [14]).

Какова сущность Каролингского возрождения? По мнению Фортунатова, это попытка синтеза античной образованности и христианских догматов. Основной функцией являлись христианское просвещение и воспитание, которые, однако, не могли осуществиться без изучения языческого наследия. Характеризуя науку и интеллектуальную культуру того времени, учёный отмечает: «Львиная доля... падает на науки богословские, на изучение и комментирование Писания и отцов церкви» (F1948b, с. 38). Однако не менее велико значение античной классики. Анализ переписки Алкуина позволяет Фортунатову перечислить древних авторов, которые изучались. Это Вергилий, Гораций, Овидий, Витрувий, Плиний, Цицерон, Иосиф Флавий и др. В письмах упоминаются Платон, Аристотель, Эпиктет, Сенека, Гиппократ, Иордан, Орозий, однако, по

наблюдениям учёного, чаще цитируются раннехристианские писатели – Иероним, Августин, Беда Достопочтенный, Амвросий и т. д. (F1948b, с. 38–39). Фортунатов так классифицирует перечисленные в одном из стихотворений Алкуина книги из библиотеки Йорка:

- 1) классики христианского богословия, так называемые отцы церкви;
- 2) христианские поэты последних лет Римской империи;
- 3) поэты и учёные раннего Средневековья;
- 4) «классики» античной литературы (F1941, с. 43–44).

Безусловно, всё это составляло основу интеллектуальных знаний эпохи. Хотя «литература христианская здесь преобладала над древнеклассической, но всё же классики занимают прочное место; без них не мыслили себе образованного человека» (F1941, с. 43–44).

По мнению А.А. Фортунатова, цель Каролингского возрождения – воспитание и обучение, необходимое каждому члену христианского общества. Но систематизированной методики преподавания не существовало, и качество обучения зависело от личности учителя. Алкуин – выдающаяся личность, чьи взгляды «вытекали непосредственно из основ христианской этики», но его педагогическая система не отражена в письменных сочинениях (F1948b, с. 40). Учёный согласен с тем, что англо-саксонский монах-богослов лишь адаптировал идеи великих людей прошлого: «Если бы мы попробовали обвинить в глаза самого Алкуина в неоригинальности», то он бы не понял, ведь для Алкуина «истина известна, дана в Писании и в трудах “отцов”», и это не его вина, ведь «эпоха принципиально отрицала оригинальность и если всё же была в своём роде оригинальна, то против собственного желания» (F1948b, с. 41).

Попытки Карла Великого воссоздать развалившуюся за три века до него единую христианскую Римскую империю в конечном итоге привели к ускорению оформления феодального общества с его раздробленностью. Поэтому стремления возродить идеи Августина и Иеронима в новых условиях имели схожую участь. Суть идеологии Каролингского возрождения, по Фортунатову, состоит в том, что «создалось нечто по-своему оригинальное и для истории, но это была переработка в сознании раннего феодального общества идеологических заветов распадающегося рабовладельческого общества» (F1948b, с. 42).

А.А. Фортунатову близко мнение Б.Я. Рамма: «“Каролингское возрождение” следует употреблять не иначе, как в кавычках» [12, с. 91]. Аргументирует, правда, это он иными причинами, считая возможным проводить параллель между деятельностью Алкуина для своего времени и деятельностью Петрарки для XIV в., Эразма Роттердамского для XVI в., но отмечая основное различие двух эпох. «Возрождением XIV – XVI веков, – пишет он, – мы называем мощный культурный подъём, связанный с разложением феодальной формации и зарождением буржуазного мировоззрения» (F1948b, с. 42). Отличие от Каролингского возрождения заключается не только в более скромных масштабах последнего, но и в том, что характеризует оформление феодальной формации. «Сообразно этому Алкуин утверждал мировоззрение, в котором Петрарка и Эразм пробивали бреши» (F1948b, с. 42). Подчёркивая связь с последующим развитием средневековой науки, Фортунатов приводит сложившуюся во Франции

легенду о том, что Алкуин основал в Париже школу и таким образом стал родоначальником Парижского университета (F1948b, с. 43–44).

Итак, значение работ А.А. Фортунатова для изучения Каролингского возрождения трудно переоценить. Его методика научного исследования основывалась на тщательном, «микроскопическом» сопоставительном анализе первоисточников, что в совокупности с эрудированностью и глубокими знаниями истории как Античности, так и Средневековья, привело к обоснованным выводам о роли Алкуина и сущности Каролингского возрождения, которые и сегодня не потеряли своей научной значимости. Современный исследователь данной эпохи, как представляется, должен основываться на фундаменте, заложенном учёным.

Источники

- МГНУ – Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского. 1913–1914 acad. год. Год 6-й. – М.: Гор. тип., 1913. – 36 с.
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 70. Герье В.И. К. 54. Ед. хр. 93. Письма А.Ф. Фортунатова к В.И. Герье. 5 л.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 3204. Фортунатов И.К. Оп. 1. Д. 79. Ушаков А.И., Фортунатова Н.И. Генеалогические древа рода Фортунатовых и рода Кузьминых. 12 л.
- F1910/1911 – *Фортунатов А.А., Фортунатова Е.Я., Шлегер Л.К.* Первый год обучения в начальной школе // Свободное воспитание. – № 1 (1910–1911 г.). – Стб. 47–58.
- F1912 – Первый год обучения в начальной школе: Из опыта одной экспериментальной школы / Сост. Е.Я. Фортунатова, Л.К. Шлегер, А.А. Фортунатов. – М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. – 88 с.
- F1913а – *Фортунатов А.А.* Афинская комедия // Книга для чтения по древней истории: в 3 ч.: Сб. ст. для III – IV классов средне-учеб. заведений / Под ред. А.М. Васютинского, М.Н. Коваленского, В.Н. Перцева, К.В. Сивкова. – М.: Задруга, 1913. – Ч. 1: Первобытная культура. Восток. Греция. – С. 306–325.
- F1913б – *Фортунатов А.А.* Начало греческого просвещения в Риме // Книга для чтения по древней истории: в 3 ч.: Сб. ст. для III – IV классов средне-учеб. заведений / Под ред. А.М. Васютинского, М.Н. Коваленского, В.Н. Перцева, К.В. Сивкова. – М.: Задруга, 1913. – Ч. 2: Рим – республика. – С. 207–227.
- F1919 – *Фортунатов А.А.* Научно-популярное отделение университета имени А.Л. Шанявского // Высш. шк. – 1919. – № 3–4. – С. 56–72.
- F1925а – *Фортунатов А.А.* Теория трудовой школы в её историческом развитии. – М.: Мир, 1925. – Ч. 1: От Томаса Мора до Карла Маркса. – 374 с.
- F1925б – *Фортунатов А.А.* Основы трудового принципа // Первые шаги обучения / Под ред. М.М. Рубинштейна. – М.: Мир, 1925. – Вып. 1. – С. 172–186.
- F1930 – *Фортунатов А.А.* Школьное дело // Энцикл. слов. Рус. библиогр. ин-та Гранат: в 74 т. – М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1930. – Т. 49. – Стб. 644–672.
- F1932 – *Фортунатов А.А.* Школьное дело // Энцикл. слов. Рус. библиогр. ин-та Гранат: в 74 т. – М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1932. – Т. 50. – Стб. 1–197.
- F1941 – *Фортунатов А.А.* Алкуин как деятель Каролингского возрождения // Учён. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потёмкина. – 1941. – Т. 3, вып. 1. – С. 26–46.

- F1946 – *Фортунатов А.А.* К вопросу о судьбе латинской образованности в варварских королевствах // Средние века: Сб. ст. – М.; Л.: Акад. наук СССР, 1946. – Вып. 2. – С. 114–134.
- F1948a – *Фортунатов А.А.* Алкуин и школа при Карле Великом // Книга для чтения по истории средних веков: в 3 ч. / Под ред. С.Д. Сказкина. – М.: Учпедгиз, 1948. – Ч. 1: Раннее средневековье. – С. 112–125.
- F1948b – *Фортунатов А.А.* Алкуин и его ученики // Учён. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потёмкина. – 1948. – Т. 8, вып. 1. – С. 5–48.
- F1990a – *Фортунатов А.А.* Возникновение средневековой школы // Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль: Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимова, В.Г. Безрогова. – М.: АПН СССР, 1990. – С. 45–74.
- F1990b – *Фортунатов А.А.* К вопросу о педагогической литературе раннего средневековья // Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль: Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимова, В.Г. Безрогова. – М.: АПН СССР, 1990. – С. 75–108.

Литература

1. *Агеева Н.Н.* Преподавательские традиции в династии Фортунатовых // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: Сб. ст. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2014. – С. 17–22.
2. *Агеева Н.Н., Иванова Т.Н.* Портрет интеллектуала: к 165-летию С.Ф. Фортунатова // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 287–306.
3. *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2015. – 524 с.
4. *Агеева Н.Н.* Преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в Московском университете // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: Сб. ст. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. – С. 17–21.
5. Фортунатов Александр Алексеевич // Летопись Московского университета. – URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/1339>, свободный.
6. *Фрадкин Ф.А., Безрогов В.Г., Лозовская Н.М.* А.А. Фортунатов – историк средневековой школы и педагогики // Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль: Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимова, В.Г. Безрогова. – М.: АПН СССР, 1990. – С. 34–44.
7. *Богословский М.М.* Дневники. 1913–1919: (Из собрания Государственного исторического музея). – М.: Время, 2011. – 800 с.
8. *Воробьёва И.Г.* Профессор Н.И. Радциг в письмах к С.И. Архангельскому // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 40. – С. 298–316.
9. *Вебер Г.* Всеобщая история: в 15 т. – М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1887. – Т. 5, ч. 1. – 747 с.
10. *Преображенский В.Х.* Восточные и западные школы во времена Карла Великого, их отношения между собою, к классическим и древнехристианским и постановка в них богословия. – СПб.: Тип. Ф.Г. Леонского и К^о, 1881. – 468 с.
11. *Осокин Н.А.* История средних веков: в 2 т. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1888. – Т. 1. – 400 с.
12. *Рамм Б.Я.* «Каролингское возрождение» и проблемы школьной образованности в раннем средневековье // Учён. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М.Н. Покровского. – 1940. – Т. 5, Вып. 1. – С. 89–116.

13. История средних веков: Учеб. пос. / Авт.-сост. Г.П. Мягков, Н.Г. Шишкина, А.А. Зорина. – Ижевск: Удм. ун-т, 2001. – Ч. 1: Западная Европа в период раннего средневековья. – 288 с.
14. *Кондратьев А.Н.* Алкуин и Оффа, король Мерсии (по материалам писем «галльского наставника») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 1. – С. 124–129.

Поступила в редакцию
17.06.17

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и культуры зарубежных стран

Чувашский государственный университет
пр-т Московский, д. 15, г. Чебоксары, 428015, Россия
E-mail: *tivanovan@mail.ru*

Агеева Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран

Чувашский государственный университет
пр-т Московский, д. 15, г. Чебоксары, 428015, Россия
E-mail: *nageeva@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 884–896

A.A. Fortunatov as a Researcher of the Carolingian Renaissance

*T.N. Ivanova**, *N.N. Ageeva***

Chuvash State University, Cheboksary, 428015 Russia
E-mail: **tivanovan@mail.ru*, ***nageeva@mail.ru*

Received June 17, 2017

Abstract

This paper is devoted to the scientific heritage of the historian and teacher Alexander Alekseevich Fortunatov (1884-1949), the representative of the Fortunatov dynasty, which has been poorly covered in historiography. Brief analysis of his pedagogical and research activities has been performed. The relevant facts of his biography have been reconstructed. The paper focuses on his research on the Carolingian Renaissance. The reasons for his interest in this problem and the characteristics of his works devoted to this problem have been given. The paper analyzes his views on the era of Charlemagne concerning a number of debatable problems (the validity of the term “Carolingian Renaissance”, the personality of Alcuin and his role in the development of the medieval school, the correlation of the ancient and early Christian heritage in the intellectual culture of the 8th – 9th centuries, the character of the relations of Charlemagne and Alcuin). The peculiarities of A.A. Fortunatov’s method of scientific research have been discussed. It has been concluded that he succeeded in demonstrating the essence of the Carolingian Renaissance as attempts to synthesize the ancient education and Christian doctrines on the basis of careful study of the sources (Alcuin’s correspondence, capitularies, textbooks, annals, etc.). Further research on the activity of the scientist is still urgent in modern science.

Keywords: A.A. Fortunatov, Carolingian Renaissance, Alcuin, Charlemagne, Charles the Great, medieval school, Fortunatov dynasty

References

1. Ageeva N.N. Teaching traditions in the dynasty of the Fortunatovs. *Rossiiskaya intelligentsiya v usloviyakh tsivilizatsionnykh vyzovov* [Russian Intelligentsia under the Conditions of Civilizational Challenges]. Cheboksary, Interaktiv plyus, 2014, pp. 17–22. (In Russian)
2. Ageeva N.N., Ivanova T.N. A portrait of an intellectual person: On the 165th anniversary of S.F. Fortunatov's birth. *Dialog so Vremenem*, 2015, no. 50, pp. 287–306. (In Russian)
3. Savin A.N. University Affairs. Diary of 1908–1917. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanit. Inistiativ, 2015. 524 p. (In Russian)
4. Ageeva N.N. S.F. Fortunatov's teaching activity at the Moscow University. *Universitetskoe obrazovanie v polietnicheskikh regionakh Povolzh'ya* [University Education in Polyethnic Districts of the Volga Region]. Cheboksary, Interaktiv Plyus, 2015, pp. 17–21. (In Russian)
5. Fortunatov Aleksandr Alekseevich. *Letopis' Moskovskogo Universiteta*. Available at: <http://letopis.msu.ru/peoples/1339>. (In Russian)
6. Fradkin F.A., Bezrogov V.G., Lozovskaya N.M. Fortunatov as a historian of the medieval school and pedagogy. *Zapadnoevropeiskaya srednevekovaya shkola i pedagogicheskaya mysl'* [Western European Medieval Scholl and Pedagogical Thought]. Salimov K.I., Bezrogova V.G. (Eds.). Moscow, APN SSSR, 1990, pp. 34–44. (In Russian)
7. Bogoslovskii M.M. Diaries. 1913–1919. From the Collection of the State Historical Museum. Moscow, Vremya, 2011. 800 p. (In Russian)
8. Vorob'eva I.G. Professor N.I. Radtsig in his letters to S.I. Arkhangel'skii. *Dialog so Vremenem*, 2012, no. 40, pp. 298–316. (In Russian)
9. Weber G. World History. Vol. 5, Pt. 1. Moscow, Izd. K.T. Solsatenkova, 1887, 747 p. (In Russian)
10. Preobrazhenskii V.Kh. Eastern and Western Schools during the Reign of Charles the Great, Their Relations with Each Other, to the Classical and Early Christian Schools, and Teaching of Theology in Them. St. Petersburg, Tip. F.G. Leonskii i K^o, 1881. 468 p. (In Russian)
11. Osokin N.A. History of the Middle Ages. Vol. 1. Kazan, Tip. Imp. Univ., 1888. 400 p. (In Russian)
12. Ramm B.Ya. "Carolingian Renaissance" and the problems of school education in the early Middle Ages. *Uchenye Zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Instituta imeni M.N. Pokrovskogo*, 1940, vol. 5, no. 1, pp. 89–116. (In Russian)
13. Myagkov G.P., Shishkina N.G., Zorina A.A. History of the Middle Ages. Pt. 1: Western Europe and the Period of Early Middle Ages. Izhevsk, Udm. Univ., 2001. 288 p. (In Russian)
14. Kondratjev A.N. Alcuin et Offa, King of Mercia: On materials of "the Gallic Teacher". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2009, vol. 151, no. 2, pt.1, pp. 124–129. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Иванова Т.Н., Агеева Н.Н. А.А. Фортунагов как исследователь Каролингского возрождения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 884–896. ⟩

⟨ **For citation:** Ivanova T.N., Ageeva N.N. A.A. Fortunatov as a researcher of the Carolingian Renaissance. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 884–896. (In Russian) ⟩